

Как Иван за справкой ходил...

Сегодня мы нечасто читаем и знаем о российских периферийных театрах. Все равно: хороши они или плохи. Справедливо ли это? Конечно же, нет. XXVII съезд партии поставил задачу всемерно расширять воздействие духовной сферы, а ведь культурная жизнь на местах зачастую обязана своим уровнем именно театру. Время от времени рождаются спектакли, которые могут стать событием культурной и общественной жизни — и чаще, к сожалению, не становится им, пропадают в потоке будней. О спектакле, который можно назвать заметным событием, и хочу поразмышлять.

Речь пойдет о сказке Василия Шукшина «До третьих петухов», поставленной в Костромском драматическом театре молодым (по возрасту, а не по стажу работы) главным ре-

жиссером Виктором Симакиным.

Театр принял правильное и, быть может, единственно правильное решение: история о том, как простой Иван-дурак из русской сказки за справкой ходил, разыграл им как социальная драма.

Вот Змей Горыныч, с которым сталкивается Иван. Режиссер облачает самую суть шукшинского символа. Три головы Горыныча — это три прожженных бюрократов, двое капит третьего в кресло на колесах. «Черт», пытающийся проникнуть в уголок ушко духовной сферы, — это необычайно дорого одетые люди...

Да и очаровател охриплителей культуры «черти» пытались не чем-нибудь, а самым ярким фантиком — «забойными» шлягерами (о том, что музыка стала социальным явлением, спорить уже, пожалуй, не

приходится). Одного за другим в эффектных клубах дыма и вспышках прожекторов «черти» пускают в атаку псевдоцыган, Аль Ваню и Ромилу Чауэр (пародия на «звезд» итальянской эстрады очень точна), Демиса Руссоса и даже... «Боги М».

То, кто влаком со сказкой Шукшина — а читали ее, должно быть, многие, — помнят, что в столкновении Ивана с ханугами и эгоистами: бюрократом Горынычем, демагогом Мудрецом, не знающим солидности, добра и ответственности «черти» или торгашами тина Бабы Яги и ее дочери, — писатель усматривает довольно-таки жесткий конфликт. Театр понимает это противопоставлено как противостояние истинно народного и заносного, доброты и хитрости, правды и неправды (по Шукшину: «Правда — это Правда»).

и меркантильности, беспринципности. А в конечном счете как противостояние коллективистских и собственных начал, которые еще долго будут непримиримо сражаться.

А символ противостояния — столкновение музыки. Истинно народной и модной, дискотечной. Нет, не в том дело, что наша музыка хороша, а их плоха. Иван — герой спектакля — не презирает чужую музыку. В его нравственном кодексе заложено неизменное стремление не оскорбить, не унижить другого человека, дать ему право иметь собственные вкус и мнение.

Но ведь музыка, как и многое другое, для бюрократов и торгашей не просто мода, а как бы знак родства. Знак своей среды, куда посторонним вход разрешен лишь для того, чтобы восхищаться и за-

дивоваться, — вот откуда рождается противопоставление. Это та самая справка с печатью на полноценность, за которой отравили Ивана. С помощью своей музыки хануги от духовного пытаются поднять его, заставить плясать под свою дудку. Ему как будто внушают: наша музыка лучше твоей. Наши развлечения моднее, современнее. Наши одежки красивее. Наши обаяния, когда человека принимают по обертке и ценят он лишь благодарит восту и «возможностям», правдивее, приятнее. Наша провинция, наша справка с печатью (диплом об окончании престижного вуза, служебное удостоверение и т. д.) — и вовсе предел мечтаний. И все это надо тебе — только так становишься «нормальным человеком». Иначе так и останешься дураком.

Проявлять свой истинный народный характер вдруг оказывается оскорбительным для Ивана. А скрывать — тем более: душа не позволяет. Он вынужден бороться. И борется, но безудачно удивительно легко, как в истинной сказке, но не забавившись от боли, душевных мук, вызванных компромиссами...

Костромской театр сейчас явно на подъеме. И на то немало причин. В то время как в других областных театрах главные режиссеры меняются так же часто, как тренеры в футбольных клубах второй лиги, в Костроме уже пять лет работает Виктор Симакин — режиссер с яркой социальной и художественной позицией. После некоторой чехарды с директорами в театр пришел наконец истинно центральный директор, в прошлом выпускник ГИТИСа Евгений Луган-

ский. А ведь в подавляющем большинстве российских театров директор — столь же далекий от искусства люди, как полуостров Ямал от сопки Маньчжурии. Сложилась традиция единомыслиишников.

В репертуаре театра немало интересных спектаклей. Но вот парадокс: интуиций коллектив почти никому не известен за пределами города.

Позволительно ли такое расточительство духовной энергии, особенно если учесть, что мы все чаще говорим сейчас о падении или по крайней мере слабом развитии социальной значимости театра? И не следует ли подумать о каких-то более гибких формах для выработки лучших спектаклей областных театров? Думается, если театр может быть интересен многим надо изыскать возможность показать его.

Ю. ГЛАДИЛЬЩИКОВ.